

ЭНРИКО БРИЦЦИ

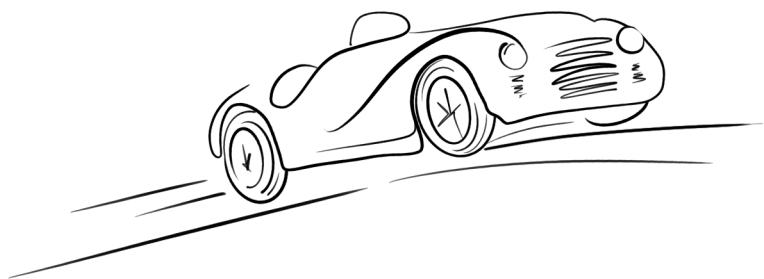
ФЕРРАРИ

В ПОГОНЕ ЗА МЕЧТОЙ

спорт

МОСКВА

ЭНРИКО БРИЦЦИ

ФЕРРАРИ

В ПОГОНЕ ЗА МЕЧТОЙ

спорт

МОСКВА

УДК 821.131.1-94
ББК 84(4Ита)-44
Б87

Enrico Brizzi
ENZO. IL SOGNO DI UN RAGAZZO

© 2023 Enrico Brizzi, all rights reserved

First published in Italy in 2023 by HarperCollins Italia S.p.A., Milano

This edition was published by arrangement with MalaTesta Literary Agency,
Milan, and ELKOST International Literary Agency, Barcelona

Перевод с итальянского *Ольги Егоровой*

Наименование «Феррари» в названии данной книги
используется исключительно в историческом и биографическом
контексте, относящемся к жизни Энцо Феррари.

Книга не имеет отношения к компании Ferrari S.p.A.,
и не является коммерческим использованием
зарегистрированного товарного знака.

Брицци, Энрико.

Б87 Феррари. В погоне за мечтой. Старт / Энрико
Брицци ; [перевод с итальянского О. Егоровой]. —
Москва : Эксмо, 2025. — 480 с.

ISBN 978-5-04-190205-6

Модена, Италия, 1899 год. Маленький Энцо Феррари мирно спит на руках у матери в завораживающей атмосфере итальянского праздника. Вдруг начинается суматоха, возгласы, поток убегающих людей: по улице движется невероятная безлошадная повозка — первый автомобиль в Модене, за рулем которого Альфредо Феррари, отец Энцо. Так начинается любовь маленького Энцо к автомобилям...

Первый том трилогии «Феррари. В погоне за мечтой» итальянского романиста Энрико Брицци — это роман о юности человека, ставшего легендой в мире автомобильного спорта. Первые увлечения автомобильными гонками, первая влюбленность — и все это на фоне головокружительных событий Италии начала XX века: социалистические забастовки, революционные речи Муссолини. Впереди у Энцо и всей Италии — страшное испытание Первой мировой войной...

УДК 821.131.1-94
ББК 84(4Ита)-44

© Егорова О.И., перевод на русский
язык, 2023

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-190205-6

Все значение нашей цивилизации проявляется в скорости.

Страстное желание западной души, ее силу и истинный секрет ее прогресса можно выразить в двух словах: «Еще быстрее!»

Всю жизнь нас преследует это неистовое желание, эта болезненная неудовлетворенность, эта высокая одержимость: «Еще быстрее!»

Луиджи Барцини. Полмира, увиденные
из окна автомобиля. 1907

Однажды в Италии, дамы и господа, жил да был один необыкновенный человек, чье имя до сих пор эхом разносится по всему миру.

Начинания, принесшие ему славу, воспеты многими, и о нем будут говорить до тех пор, пока люди будут хранить память об ушедшем стремительном веке.

Однако если спросите, каким он был в детстве или в юности, ответом вам будет либо молчание, либо выдумки, которые он сам, достигнув величайшей славы, сочинял. Он развлекался, перемешивая карты собственного прошлого, но не для того, чтобы его позолотить, а для того, чтобы сделать непроницаемым.

Для чего он прилагал столько стараний, знают очень немногие, и мы, говоря без спеси и без чванства, в их числе. Если он почувствовал, что должен уничтожить свои следы, чтобы другие не пошли по его стопам, то вовсе не затем, чтобы обогнать их, а затем, чтобы избавить их от бед на долгой и опасной дороге, где граница между жизнью и смертью слишком тонка.

Теперь времена изменились, и, если верно, что вода течет все время в одном направлении, больше никто не сможет пойти по его стопам. Вот почему я, близкий

ему человек, знакомый с ним с самого начала и знающий его жизнь как свои пять пальцев, решил наконец рассказать о ней.

Мы пришли туда, куда шли. Я уверен, что не нанесу ему обиды, разве только умножу его славу. У меня нет никаких причин лгать, ибо со мной он был всегда искренен и щедр. И для меня передать все во всех подробностях — единственная счастливая возможность отдать ему долг благодарности.

Во имя честности, соединявшей нас и в чудесные дни, и в периоды страха, я буду придерживаться единственного принципа, подобающего честным: я буду рассказывать о фактах и обстоятельствах так, как мог бы без колебаний повторить перед ним, если бы он вдруг вернулся к нам из царства теней.

Приветствуйте новый век!

1899 год

Последний день 1899 года в области Эмилия выдался морозным, но нашего Энцо это не беспокоило. Он блаженно спал на руках у мамы Джизы, закутанный в одеяло так, что виднелась только розовая младенческая мордаха.

Ни Джиза, ни Дино, ее трехлетний первенец, семенивший рядом, ни тем более новорожденный, которого она крепко прижимала к груди, не могли знать, что Модена, город с шестидесятитысячным населением, где они жили, скоро будет потрясен невиданным явлением. На площадях, вокруг весело раскрашенных навесов над ярмарочными киосками, отовсюду раздавались голоса зазывал. Джиза с трудом проталкивалась сквозь толпу, минуя ограждения, за которыми резвились козлята и поросята, и навесы, где штабелями стояли клетки с кроликами и утками. Музыка шарманок и фисгармоний поднималась к небу вместе с бляением ягнят и восторженным визгом малышей, запахом глинтвейна с пряностями, теплой выпечки, анисовых вафель и копченостей. Казалось, воздух вибрирует от обилия радостной энергии, ибо с незапамятных времен в этот день город чествует своего святого покровителя.

Рассказывали, что в те времена, когда Римская империя рушилась под натиском варваров, высокочтимый епископ Джеминиано спас город, спрятав его от гуннов Аттилы за волшебным покровом густого тумана.

За этим чудом в течение темных веков последовало множество других чудес: всякий раз, когда его паства оказывалась в опасности, святой с небес, из рая, где пребывал, вмешивался и вставал на ее защиту. Чтобы лучше увековечить память святого покровителя, к храму, где находилась его могила, пристроили белоснежную колокольню высотой больше ста метров и назвали ее Гирландина. Колокольню было хорошо видно с большого расстояния, и горожане ею очень гордились.

И в тот холодный день 1899 года двери собора были распахнуты, чтобы в храм могли войти закутанные горожане, и между плиточной мостовой Главной площади и портиками виа Эмилия, самой большой из древних улиц, выстроились около сотни лотков. Продавцов жареных клецек, начиненных колбасой и сыром, сменяли жители гор, готовившие пышки с гарниром из свиного фарша. Лотки бродячих книготорговцев, приехавших на двуколках из Турина, соседствовали с лотками игрушечных дел мастеров, приехавших из Болоньи с целой выставкой волчков, кукол с шерстяными волосами и оловянных солдатиков.

Кукольные театры, где, сменяя друг друга, шли смешные представления про Сандроне и Пулонию, посещала и городская детвора, и компании их ровесников, чьи родители обеднели. Одни за обе щеки уплетали яблочные цукаты, хрустящее миндальное печенье и медовые пряники, посыпанные сахарной

пудрой, а другие, давно выросшие из штанишек, из которых торчали посиневшие от холода ноги, довольствовались «шерстянкой», похожими на резину кусочками бракованного сыра, и старались жевать как можно медленнее, чтобы на подольше хватило.

При взгляде на этих плохо одетых, замерзших детей у Джизы сжималось горло, и она потихоньку давала себе тайную клятву: даже если работа мужа не сможет сделать их детей богатыми, она сама сделает невозможное, чтобы они никогда не узнали нищеты.

Кадеты в кепи Военной школы и в шинелях, застегнутых у самого горла позолоченной пряжкой, в этот день мешались с рабочими в теплых и тяжелых плащах, распахнутых сверху, чтобы все видели черные галстуки-бабочки анархистов. А робкие молодые учительницы, приехавшие на поезде, тонули в толпе веселых студентов университета в плоских шляпах-двухуголках и с бутылками красного вина в руках.

Добродетель смешивалась с пороком, старые вековые традиции уступали требованиям времени. Почтенные деревенские матроны, закутанные в шали, толкали сквозь толпу тяжелые велосипеды своих мужей. Они уже успели произвести на свет пятерых или семерых детей, но все еще стыдливо и лукаво косились на благоухающих юных грешниц, которые шли в последних рядах процессии Мадам Виридианы. Эти девчонки с подведенными глазами и гривами накладных волос, выкрашенных в огненно-рыжий цвет, давно уже отказались от своих настоящих фамилий, чтобы не позорить семьи. Хозяйка воздерживалась выпускать их на улицы: совсем скоро они займут места в ее заведении на улице Оглашенного, в рафинированном храме наслаждений для холостяков и же-

натых. На расстоянии голоса (по команде?) Дочери Провидения, завесив головы покрывалами, прошли мимо классов маленьких глухонемых, которым они были посвящены, без стеснения толкая на ходу веселых работниц с табачной фабрики, уже пропустивших по стаканчику, которые нахально насвистывали свои социалистические гимны.

Неважно, истинными или нет были чудеса, которые приписывали святому Джеминиану, но его праздник служил передышкой, светящимся окном в самом тоскливом и холодном времени года, обещанием мира на земле.

К трем часам дня солнце уже опустилось ниже уровня крыш, но Джиза не собиралась возвращаться домой. Все вокруг было какое-то не такое, чего-то недоставало в дурацком водовороте преобразований. И потасовки между пьяными были не те, и не так звучали нахальные крики зазывалы в берете с попугайчьим пером, который заманивал иностранцев куда-нибудь на окраину города, в тихий дворик, обещая выгодное дело и фантастические прибыли.

Джизе хотелось насладиться атмосферой праздника, как в детстве, хотя теперь она научилась отличать честного человека от проходимца, и у нее были двое детей, которые требовали заботы. Дино осматривал еще не все лотки, а она то и дело останавливалась, чтобы поболтать с каким-нибудь встреченным знакомым или родственником. Пока Энцо спокойно спал, завернутый в теплое одеяльце, повода спешить не было.

На перекрестке с виа Сан-Карло, как раз возле киоска Розины, Дино как замороженный застыл перед прилавком с маленькими клетками, где пиццали

крошечные цыплята. Он с такой отчаянной настойчивостью принялся кланчить, чтобы ему купили цыпленка, что Джиза невольно улыбнулась.

— Мы не сможем его купить, — возразила она тем ласковым голосом, каким матери отговаривают детей от покупки того, что им самим очень хочется. — Они быстро превратятся во взрослых кур, а в порядочных домах кур не держат.

Мальчик не унимался и бормотал:

— Это несправедливо, в конце концов...

В голосе у него зазвенела упрямая решимость, которая напомнила Джизе об отце ее детей. Ее муж, Альфредо Феррари, для всех Фредо, вбил себе в голову, что непременно должен остаться в мастерской и закончить срочную работу. Джиза глубоко вздохнула: пропала возможность хоть раз провести праздник вчетвером.

— Вот этот — самый маленький.

Дино ринулся на штурм уже с патетикой в голосе. Вытянув палец, он проследил за передвижениями пушистого комочка и совершенно серьезно заявил:

— Он никогда не станет курицей. Это я тебе обещаю, мама.

Джиза улыбнулась его наивной уверенности, и в этот момент в ворота хлынула людская волна.

Джизу без всякого предупреждения кто-то толкнул, и она громко крикнула, чтобы поберегли детей, но вокруг уже бушевал полный хаос. Вдруг людской поток устремился вдоль главной улицы, в сторону от площади. Может, взорвалась бомба? Или пошли новые разборки между либералами и республиканцами?

Она нашла безопасное место, прислонившись к колонне, которая была ближе остальных к киоску, и от-

туда наблюдала за происходящим. Вдруг она увидела пожилого священника: вытаращив от страха глаза, он неся большими прыжками, придерживая сутану.

— Святой Джеминиано, молись за нас! — услышала она его голос. — Спаси нас и помилуй, грядет демон в колеснице!

За спиной священника никого не было видно, и горожане начали потихоньку выглядывать из своих укрытий, чтобы разобраться, что же все-таки произошло.

Джиза поцеловала в лоб закутанного в одеяльце малыша и подозвала старшего, который высунулся на улицу:

— Стой рядом, Диди!

И застыла от удивления, когда услышала его восторженный крик:

— Это папа! Это мой папа!

Тут уже и она выглянула из-за колонны, и то, что она увидела, не забудется никогда.

По самой середине улицы, расчищая дорогу, вышагивали двое карабинеров. За ними двигалась развеселая компания ребятни, в которую затесались лающие собаки. Ошалевшие от восторга дети и собаки расступались перед четырехколесной повозкой, которая, попыхивая дымком, с ворчанием медленно ехала посередине улицы, причем в нее никто не был впряжен. Она ехала сама по себе!

Дино все было хорошо видно: в этой волшебной повозке, покрытой бирюзовым лаком, согнувшись над рулем, сидел человек, которого Джиза когда-то поклялась не покидать ни в горе, ни в радости. Его бородатое лицо наполовину закрывали толстые рабочие очки, между колен поблескивала серебристая рулевая